

ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ

И Воеводы Ивана Грозного

Предтечи
Российской
империи

Забывтые страницы
ратной славы

Меж крымской
саблей и опричной
плахой

Д.М. ВОЛОДИХИН

Дмитрий Михайлович Володихин

Воеводы Ивана Грозного

Серия «Тайны Земли Русской»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=442705
Воеводы Ивана Грозного: Вече; М.: 2009
ISBN 978-5-9533-3665-9

Аннотация

Эти люди сражались за Отечество, когда на свете еще не было Российской империи. Московское государство вело тяжелые войны и на западе, в Ливонских землях, и на юге – с Астраханским и Крымским ханствами... Воеводы эпохи Ивана Грозного не писали мемуаров, оставшись великими немymi русской истории. Эта книга возвращает нам имена незаслуженно забытой военной элиты, честно исполнившей долг, невзирая на смертельную опасность окончить свои дни не только на поле битвы, но и на плахе опричников.

Содержание

Великие немые русской истории	4
«Первейший муж, наиболее пригодный для военных дел». Князь Дмитрий Иванович Хворостинин	8
Молодость полководца	13
Полоцкая гроза	20
В опричнине	29
Битва у Молодей[8]	37
Ливонский фронт	43
При новом государе	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дмитрий Володихин

Воеводы Ивана Грозного

Великие немые русской истории

Русские полководцы времен Московского царства безгласны. В подавляющем большинстве случаев неизвестны какие-либо документы, написанные ими, послания, тем более – мемуары. В допетровскую эпоху мемуаров не писали. Лишь один из русских военачальников XVI века, Михаил Андреевич Безнин, оказывается за пределами этого ряда. Он оставил краткий летописец, где рассказывает о важных обстоятельствах политической жизни России, намекая на свое в них участие – как первого лица, как персоны, достойной памяти потомков. Его же перу предположительно принадлежит сочинение о взятии Полоцка в 1563 г., – этот текст попал в большую государственную летопись, где имя автора, конечно, не указано... Но и тут честолюбивый Михаил Андреевич постарался – хотя бы косвенно! – показать собственные заслуги перед государем и отечеством. Что ж, ему повезло. Он действительно остался в истории, хотя имя его не является бессмысленным набором букв лишь для специалистов по грозненскому периоду. Притом Безнин был, мягко говоря, второстепенной фигурой. Что ж говорить о других? Они

не были летописцами. Они не были публицистами. Они не писали воинских повестей.

Они только сражались за отечество.

Образованный командир времен Российской империи мог оставить обширные записки о походах и сражениях, в которых он принимал участие. Более того, если он стал заметной фигурой, то непременно сыщутся рассказы о нем, написанные современниками. Историк найдет в источниках «крылатые выражения» полководца, сможет реконструировать его тактический стиль, создать у читателей представление о его психологических особенностях. И на страницах биографии заиграет всеми красками жизни давно почивший в Бозе человек, он будет понятен, он будет интересен, всякий сможет его судьбу примерить к своей, в его характере и темпераменте увидеть отражение собственного жизненного опыта. Есть ли что-нибудь, столь же сильно разжигающее интерес к личности, как сопереживание? Одна-единственная фраза, оброненная в сердцах, мимоходом, делает в умах отдаленных потомков дурную или добрую репутацию покойному генералу! И она, эта фраза, или, скажем, какой-нибудь резкий поворот в судьбе, жест, каприз, минутное геройство, изящная похвала современника ложатся на сердце легче и вернее завоевывают себе место в нем, чем выигранное сражение, взятая крепость, удачный поход.

Так вот, воеводам Московского государства в памяти нашего народа оставлено ничтожно мало места. Отчего это

произошло? Да именно по причине их безгласности. Ни дневников, ни летописей, ни писем, ничего... Изредка – одинокое послание. Или яркая фраза, донесенная иностранцем. Или суровый приговор, вынесенный государем. Вот и всё. Наш современник скучает над популярными биографиями командиров великой эпохи, поскольку видит в их судьбах пустыню психологии.

Рядом с ними рокочут державные публицисты, иронизируют оппозиционеры, бьются насмерть церковные полемисты... Вот где жизнь! Вот где самый нерв ее! Иван Грозный, да князь Курбский, да Иван Пересветов, да преподобный Максим Грек, да еще несколько человек величием своей мысли заслоняют прочих. Что тут поделаешь, такова сила слова, сказанного талантливым человеком: всё, сложенное из дикого камня на века, разрушается, а невесомая консистенция слова живет. Шагнешь из сферы, наполненной чудесной музыкой слова, в сторону, сделаешь всего-то один шагжок, и разум глохнет от молчания. Вот стрелецкая пехота зажигает фитили, вот волнуется перед атакой легкая дворянская конница, вот пушкари примериваются, как бы лучше положить ядро в железное каре вражеских наемников, а под знаменем, подбоченьясь, возвышается в седле воевода, умный, отважный, искусный в своем деле человек, но... молчит. Он великий молчальник. Его слова когда-то двигали грозные массы русской армии в бой, но не попали они на бумагу, и ушли, стало быть, из памяти народной. Ах, как

жалко...

Среди полководцев пылающей грозненской эры есть личности, переворачивавшие ход истории. Но о них мало кто помнит, помимо профессиональных историков. Человек нашего времени, пусть даже и большой любитель отечественной истории, не стремится протянуть меж ними и собой душевную связь. Он просто не видит, к чему, к кому он мог бы обратиться мысли и чувства. Вот – список походов, где участвовал такой-то. Вот – реконструкция главной его победы. А где тут человек? Человека нет, человека очень мало, и сердцу не за что зацепиться.

Все, чего я хочу от этой книги – вытащить на свет божий личности русских полководцев. Да, рассказать о битвах русской армии. Да, поговорить о стратегии и тактике. Но, помимо всего этого, представить, насколько это возможно, по крупицам, по ничтожным крупичкам собрав сведения о персонах воевод, *их характеры*. Людей. Именно людей, достойных сопереживания, а не реестры военных достижений.

«Первейший муж, наиболее пригодный для военных дел». Князь Дмитрий Иванович Хворостинин

Понятия «военный талант», «слава искусного полководца» в разное время наполняли разным смыслом. Для времен раннего Средневековья, домонгольского периода, исключительно важной была личная храбрость князя – предводителя дружины. В период петербургской империи и СССР, скорее, талант военачальника определяли по его тактическим способностям, реже – по способностям стратегическим. Между этими двумя эпохами лежит героическое время, когда создавалась Россия. При великом князе московском Иване III (1462—1505) на месте лоскутного одеяла самостоятельных русских земель и княжеств возникло единое Московское государство. Оно просуществовало около двухсот лет, прошло полосу реформ при Петре I (1689—1725) и превратилось в Российскую империю. На протяжении этих двух столетий страна постоянно воевала, порой – на нескольких фронтах одновременно. Трудно отыскать хотя бы один мирный год...

Иван III. Портрет из «Царского титулярника» (XVII век)

Имена воевод Московского государства известны историкам по летописям и старинным грамотам. Но, кажется, их современникам, людям русского Средневековья, было незнакомо понятия «воинская слава», «триумф полководца»... Их заменяло словосочетание «государева служба». Не слава была важна, а то, исполнена ли «приказанная» служба, и если да, то насколько полно. Про старомосковского воеводу неуместно говорить «знаменитый». Скорее, «искусный», «преданный государю», «стойкий». В конце XV – начале XVI века – страна взрывообразно расширялась. Тогда появилась целая плеяда полководцев, получивших опыт в наступательных войнах. Маневренная, атакующая тактика была их стилем. Блестящими практиками этого стиля были князья Даниил Холмский и Даниил Щеня, а также московский боярин Юрий Захарын (Юрий Захарьевич). Позднее, во второй половине XVI века, Московское государство перешло к обороне своих бесконечных границ. И тогда в воеводах стали в большей степени ценить стойкость, способность успешно отбивать превосходящие силы неприятеля. Успешно справлялись с этими задачами князья Иван Шуйский и Михаил Воротынский. Между тем для России именно тогда открылись просторы Сибири, и туда устремились многочисленные

«русские конкистадоры». Первым и, наверное, самым известным из них был казачий атаман Ермак. Наконец, XVII столетие блистает именем князя Дмитрия Пожарского, освободителя Москвы от польских интервентов в эпоху Смуты. Очень трудно выделить среди множества «служилых людей по отечеству» человека, очевидно превосходившего других полководческим дарованием. Удобнее всего положиться в этом вопросе на внешнего наблюдателя, не связанного русскими нравами и обычаями того времени.

В 1588—1589 гг. Московское государство посетил Джильс Флетчер, посол английской королевы Елизаветы I. Впоследствии он написал трактат «О государстве Русском», где подробно описал состояние России тех времен. Флетчер встретил холодный прием и был настроен по отношению к «Московии» отрицательно, почти враждебно. Кроме того, известно, что английский посол собирал информацию о стране разными способами, в том числе и конфиденциальными. Особенно его интересовала русская армия: ее численность, вооружение, полководцы... В той части трактата, где речь идет о вооруженных силах государей московских, Флетчер деловит, сух, точен, беспощаден к недостаткам военного дела в России и внимателен к его достоинствам. Англичанин перечисляет аристократические роды, из которых обыкновенно назначают главных воевод, но лишь один человек удостоивается пристального внимания: «...теперь у них первейший муж, наиболее пригодный для военных дел, некто князь

Дмитрий Иванович Хворостинин, воин старый и опытный. Он оказал большие услуги в войнах с татарами и поляками...»

И действительно, Дмитрий Хворостинин был настоящей военной звездой в России XVI столетия. Главная его заслуга перед страной – победа в жестоком и кровавом сражении у деревни Молоди в 1572 г. Именно за это он остался в памяти потомков. Но личный триумф Хворостинина наступил лишь через два десятилетия после памятно молодинской победы, да и вся его жизнь с молодых ногтей прошла в битвах и походах. Это был истинный человек войны, для нее рожденный и живший ею.

Молодость полководца

Дмитрий Иванович родился в 30х гг. XVI века, точная дата рождения неизвестна. Осенью 1550 г. вышел указ о пожаловании поместьями под Москвой 1078 служилых людей. Князь должен был по роду и положению своему туда попасть, если бы подходил по возрасту, а служить тогда начинали лет с пятнадцати; но его имени нет в «Тысячной книге» – списке этих помещиков. Следовательно, он родился не ранее 1535 г. Список людей, имевших служебное отношение к Государеву двору, – «Дворовая тетрадь» – составлен был, скорее всего, в 1551 или 1552 г. и оставался действующим документом, куда заносили новые имена на протяжении 50х гг. Дмитрий Иванович в нем числится. К тому же по второй половине 50х известны первые его воеводские службы. Исходя из этого, можно предположить, что князь родился, скорее всего, между 1535 и 1540 гг.

По роду своему он принадлежал к младшей ветви Ярославского княжеского дома. Хворостинины не были «захудалым» родом, однако же не блистали ни особой знатностью, ни большими богатствами, ни значительными заслугами на государственной службе. В среде многочисленной старомосковской служилой аристократии они были «средняками». Между тем в XVI—XVII столетиях знатность рода много значила при назначении на военные должности. Это

и понятно: в состав высшей старомосковской аристократии вошли тогда и боярские роды, вот уже несколько столетий верно служившие князьям московским, и княжеские роды из присоединенных к Москве русских земель, и беглые князья из «Литовской Руси», и служилые татарские царевичи... Если бы не была создана система местничества, о которой сейчас принято говорить как о сугубом зле, то все эти знатные люди то и дело устраивали бы усобицы и перевороты, споря за место у кормила власти. Сложная система местнических счетов иной раз приносила немалый вред. Однако она худо-бедно примиряла служилых аристократов, определяла, кому на какой должностной уровень можно претендовать. Местничество фактически спасло Московское государство от тяжелых внутренних войн, борьбы всех против всех.

Что же касается Дмитрия Хворостинина, то ему, по местническим счетам, подняться до высших постов было очень трудно. Его ожидало медленное и трудное возвышение...

Впрочем, не были Хворостинины и «бедными родственниками» в среде русской служилой аристократии. Отец четырех братьев – Дмитрия, Андрея, Петра и Федора – князь Иван Михайлович Хворостинин известен в разрядах еще со второй половины 1530х гг., где он фигурирует с довольно скромными служебными назначениями. Положение его в армии постепенно улучшается. К первой половине 60х, после нескольких десятилетий ратной работы, он выслужил думный чин окольничего. В 1564 г. он упоминается в последний

раз: из действующих воевод и, надо полагать, из Думы, он выбыл, – скорее всего, из-за возраста¹. Перед его сыновьями стоял добрый пример отца: аристократа-воина, долгой честной службой вырвавшего у судьбы высокий чин. Примерно такая же биография ожидала лучших из них... Если бы не воинский талант, дарованный Богом Дмитрию Ивановичу и позволивший ему подняться значительно выше отца.

С чего начинал Дмитрий Иванович? С понимания того, что он сам своей судьбе хозяин. Род не располагал сколько-нибудь значительными вотчинами, к тому же землю отца пришлось поделить между четырьмя сыновьями, и каждому досталось совсем уж немного. Есть известия, что братья жестоко ссорились между собой за землю. Таким образом, только служба могла дать молодому человеку его положения высокий статус в обществе.

Лет в пятнадцать юноша обязан был впрячься в государственную службу, начав с самых простых рядовых должностей. В молодости князь служил по Коломне и Белой (1550е гг.) – там у него были поместья, очевидно, незначительные. О карьере князя известно мало, а воинские документы того времени – «разряды» – впервые сообщают о Дмитрие Ивановиче под 1558 г. К тому времени Хворостинин добился уже определенного положения: его назначили воеводой в неболь-

¹ Хворостинины были отдаленными родственниками Курбских. В апреле 1564 г. князь Андрей Курбский перебежал к литовцам. Но вряд ли из-за семейной связи с ним «выбили» из Думы князя Ивана Михайловича Хворостинина: слишком уж далеко их родовые ветви разошлись друг от друга.

шую южную крепостицу Шацк, построенную всего пятью годами раньше. Этой службе, вероятно, предшествовали более низкие воинские посты, но о них источники того времени никакой информации не донесли.

Что такое воевода в Шацке? Очень рискованная работа. От большого набега крымских татар стены этого юного укрепления не спасли бы: такие городки брали и палили мимоходом. Зато подобные крепостицы идеально годились на роль опорных баз для сторожевых отрядов и для отпора небольшим татарским бандам, приходившим на Русь, чтобы захватывать рабов. Князю Хворостинину досталась беспокойная, опасная и очень нужная для России служба.

В одном из более поздних походов русской армии на юг мы видим Дмитрия Ивановича головой (должность рангом ниже воеводской). Затем, в конце 1559 или 1560 г., его ненадолго ставят во главе гарнизона Нижнего Новгорода – это уже очевидное повышение по сравнению с Шацком.

В течение десятилетия разряды и летописи XVI столетия скупо освещают биографию князя Хворостинина. Как и все воины московских государей того времени, он мало походил на жирных одутловатых бояр из старых советских фильмов. Служить приходилось постоянно, большая часть жизни «служилых людей по отечеству» проходила в дальних городах, в разъездах, стычках с неприятелем и больших сражениях. Не столь уж многие доживали до старости. В Московском государстве любили и уважали дородных людей, но, види-

мо, – как большую редкость. Ведь дворяне были в большинстве своем поджары, вроде хороших гончих псов, подвижны, неутомимы и невероятно выносливы.

Хворостинин дрался на двух «фронтах». То его отправляли возглавлять небольшие отряды на южную, степную границу, и там он участвовал в маневренных «играх» со стремительной и хищной крымской конницей. А ежегодные татарские набеги нависали в ту пору смертельной угрозой над русским югом... То Дмитрий Иванович получал назначение в походе против западных соседей – шведов, литовцев и поляков. В 1558 г. как раз началась двадцатипятилетняя Ливонская война за Прибалтику, в которой Россия принимала участие с переменным успехом...

Русские войска в Ливонии.

Осенью 1561 г. он выступил вместе с отрядом из Алыста в роли головы при воеводе кн. В.М. Глинском. Отряд вошел в состав большой рати, отправленной против «ливонских немцев». Но летом 1562 г. он вновь на юге – участвует в отражении крымцев под Мценском.

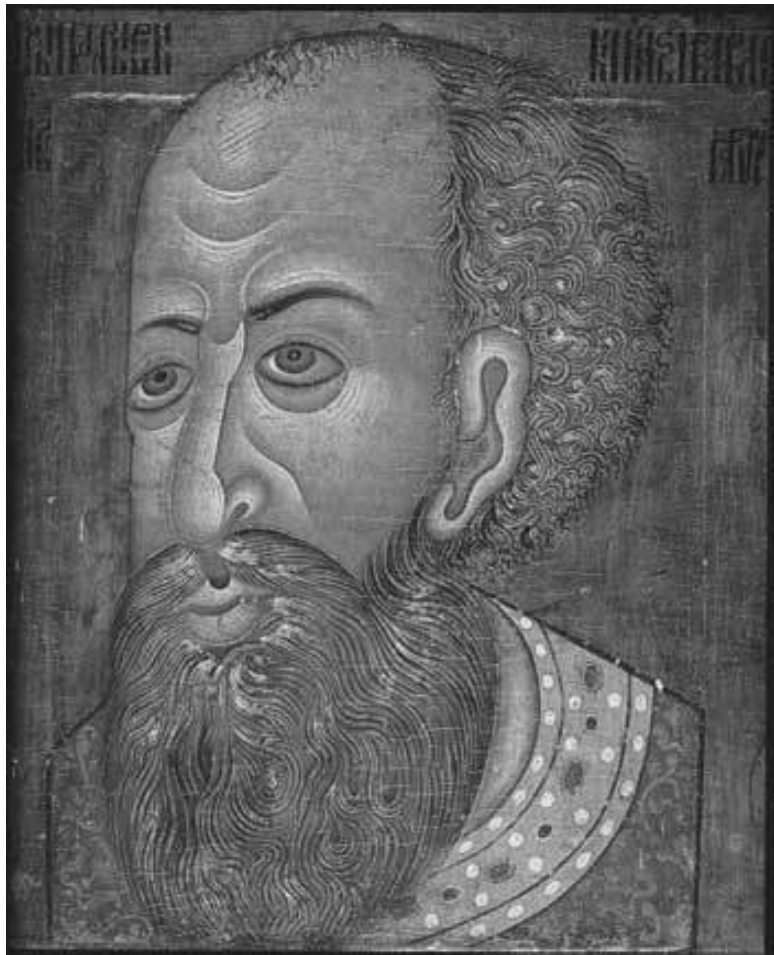
Пока он никому не известен и ничем не выделяется из общей массы младших воевод Московского государства, коим

счет шел на десятки и сотни.

Полоцкая гроза

Первый взлет в его карьере связан с событиями зимы 1562—1563 гг. Московское государство совершило тогда одно из звездных деяний в своей военной истории.

К тому времени Ливонская война осложнилась: против России выступил новый сильный и могущественный противник – Польско-Литовское государство. Иван IV планировал нанести ему сокрушительный удар и вывести таким образом из войны. Осенью 1562 г. он начал готовить масштабное вторжение на земли Литвы. Рать собиралась по полкам в 17 городах, не считая сил, которые вышли с царем из самой Москвы. Столичная рать выступила 30 ноября.

Иван IV Грозный. Парсуна.

На 5 января был назначен общий сбор всех сил в Великих Луках. Дисциплина и организованность русского войска в те годы стояли на высоком уровне, и огромная армия действительно собралась перед литовским рубежом в один день. Это образец гибкости и слаженности военной машины Московского государства, удивительный даже для последующих столетий.

На протяжении четырех дней в Великих Луках формировались из отдельных отрядов полки, назначались воеводы, определялся маршрут и порядок движения. Для того чтобы избежать дорожных заторов, полкам велено было выходить из города с интервалом в один день. У русского командования за период без малого 11 лет, прошедших со времен Казанского взятия 1552 г., не было иного опыта в управлении столь значительными полевыми армиями. Поэтому, когда наша армия выступила из Великих Лук (9 января), движение все-таки совершалось медленно, то и дело возникали «пробки».

Роль боевого ядра играла дворянская конница, казаки и отряды стрельцов. Вместе они составляли около 35—40 тысяч бойцов. К ним надо добавить значительное количество вооруженных боевых холопов, следовавших на конях за дворянами. Их количество неизвестно. К ним надо добавить очень значительный «наряд» – войсковые «средние» и «легкие» орудия, а также артиллерию «главного удара» – мощ-

ные осадные пушки. Но помимо весьма значительного боевого элемента армия оказалась нагружена колоссальными «кошами»-обозами и многотысячной «посохой». Так именовали в XVI веке слабоорганизованные толпы людей, привлеченных для инженерных работ: мощения мостов, создания осадных приспособлений и переноски грузов. Эта толпа и создала главные сложности при движении войска.

Однако, преодолев наиболее сложный участок маршрута, 31 января войска Ивана IV прибыли под Полоцк, и военачальники принялись разводить полки по позициям, добиваясь максимально плотного обложения города.

Полоцк славился мощными стенами. Цитадель его стояла на холме и была с двух сторон защищена реками. Польско-литовский гарнизон во главе со Станиславом Довойной насчитывал до 2000 бойцов, настроенных отстаивать город до последней крайности, ему оказывала поддержку часть горожан. Полоцк также располагал солидным артиллерийским арсеналом. Таким образом, он не был легкой добычей. Особенно когда на фланге русских войск появился легкий неприятельский корпус, направленный в поддержку осажденным...

В то же время Полоцк представлял собой желанное приобретение. Богатый торгово-ремесленный центр, бывшая столица самостоятельного княжества, Полоцк к тому же оказался в центре конфессионального конфликта. Католичество, радикальные формы протестантизма и традиционное

православие сошлись тут в долгом противоборстве. Наступление русской армии имело образ «крестового похода», направленного на восстановление позиций православия в Полоцке.

Этот «крепкий орешек» был разгрызен удивительно быстро: 15 февраля, всего через две недели после начала осады, город пал. Решающую роль тут сыграла русская осадная артиллерия, прибывшая через неделю после начала боевых действий. Ее огонь сокрушил полоцкие укрепления.

Однако не обошлось без нескольких столкновений между гарнизоном и полками Ивана Грозного. 5 февраля стрельцы впервые попытались ворваться на стены и даже имели успех на одном участке. Но основные силы не получили приказа к общему штурму, поэтому стрелецкий отряд принужден был отступить. 9 февраля Станислав Довойна приказал своим войскам оставить Великий посад, составлявший большую часть города, и, запалив его, перейти в Верхний замок – полоцкую цитадель. Жителей посада принялись насильственно «забивать» туда, а пламя должно было расчистить место для действия крепостной артиллерии и стрелков. К тому же захват Великого посада отдавал русским полкам в руки богатейшую добычу, и начальник гарнизона предпочел предать ее огню.

Вот здесь-то и появляется князь Д.И. Хворостинин.

В походе он играл скромную роль войскового головы в государевом полку. Ему надлежало «за государем ездити» во

главе небольшого отряда из 200 дворян. Рядом и отец его, Иван Михайлович, в чине окольничего следовавший в свите государя. Пока войско шло к Полоцку, Хворостинин должен был разбираться с заторами, продвигая по забитой людьми и повозками дороге полковые обозы. 30 ноября 1562 г. его поставили в боевое охранение во главе заставы на том месте, где на следующий день разместится царская ставка.

Именно на его долю выпало главное столкновение с гарнизоном Полоцка – бой за горящий Великий посад.

Летопись рассказывает о действиях Дмитрия Ивановича 9 февраля следующее: «Стрельцы цареви и великого князя и боярские люди и казаки в острог вошли... и с ляхи начали биться», стремясь отбить посадское имущество. Тогда «...царь и великий князь для того дела послал из своего полку голов, а велел тех людей... побережи... из острогу выслати». Острогом летопись называет посадские стены. Головы из государева двора и были – князя Дмитрий Иванович Хворостинин и Дмитрий Федорович Овчинин. Они действовали в высшей степени удачно: «...ляхов в остроге потоптали и в город вбили, а государьских людей отвели здорово. А которые люди Полоцкого повета сельские сидели в остроге, и те в город не пошли, а вышли в государский полки и воеводские полки...»² Один государев двор принял более 11 000 русских беженцев из горящего Полоцка.

² Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 310.

После падения Полоцка Хворостинин одним из первых вошел в Верхний замок и оставался там на «боевом дежурстве».

По всей видимости, Иван IV именно тогда отметил храброго и расторопного воеводу. Вообще, Полоцкий поход 1562—1563 гг. стал важной рода ступенькой для карьеры многих честолюбивых военачальников, оказавшихся впоследствии в опричнине. Царь много раз выходил в дальние походы, но до учреждения опричнины он лишь дважды узнал вкус большой победы: в Казани и в Полоцке. Боевые действия под Казанью не оставили в памяти Ивана IV впечатления триумфа. Руководили войсками воеводы из числа знатнейших людей России, и они все делали по-своему, не церемонясь с молодым государем. Казанская победа была на всю жизнь отравлена для Ивана Васильевича ощущением, что он сыграл роль марионетки в чужих руках. Под Полоцком ему было уже не двадцать два года, а тридцать три, и он стал полновластным распорядителем. Полоцкое взятие в значительной степени его заслуга — как полководца. Люди, отличившиеся под Полоцком, показавшие себя в деле или хотя бы вовремя попавшие царю на глаза, оказались на особом счету. Ведь именно с ними оказались связаны лучшие воспоминания в его жизни!

Очевидно, и Дмитрия Ивановича царь не забыл. Через несколько месяцев князь получил от государя ответственное поручение. Оно стало в какой-то степени и проверкой «на политическую благонадежность».

Опальный вельможа князь Д.И. Курлятев-Оболенский содержался в Рождественском монастыре на острове Коневец посреди Ладожского озера. Он принадлежал к кружку правительственных деятелей, который позднее был назван в сочинениях Андрея Курбского «Избранной радой». В ту пору он считался одним из вершителей судеб всей страны. Позднее, потеряв прежнее влияние, князь пытался пересечь литовский рубеж и стать перебежчиком в стан врага, но был арестован. Через несколько лет этот план будет выполнен другим служилым аристократом – тем самым князем А.М. Курбским... В 1563 г. расследование деятельности Курлятева привело царя к печальному выводу: его следовало перевезти к месту более строгого заключения. Для этой работы требовалась надежная охрана. У Курлятева хватало доброхотов, способных организовать побег. На роль главы «конвоя» избран был Хворостинин, справившийся с этим заданием. Подобного рода надежность дорого стоила в глазах Ивана IV: в те годы постепенно разгорался конфликт между ним и гордой служилой знатью. Царь чувствовал, что почва у него под ногами колеблется. Он имел основания сомневаться в ком угодно, вплоть до самых близких людей.

Дмитрий Иванович не подвел.

Он вообще был вроде хорошо скованного меча – не подводил тех, кому служил.

В том же году князь получил первое в своей жизни назначение на должность полкового воеводы. Его расписали

вторым воеводой сторожевого полка в армии, собравшейся у Великих Лук «по вестям». А на следующий год Дмитрий Иванович отправился уже первым воеводой большого полка, т. е. командующим всей рати, с небольшим корпусом поддержки к недавно завоеванному Полоцку.³

³ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. II, Ч. I. С. 144, 163.

В опричнине

В 1565 г. царь Иван IV разделил Московское государство на две части: земщину и опричнину. Каждая из частей имела собственное войско, собственную администрацию и собственный двор. В опричнине полновластным, ничем не ограниченным правителем стал сам царь. Земщина оказалась объектом репрессий: важнейшая из целей, которые преследовал Иван IV, состояла в наделении конфискованным земельным фондом дворян из опричного войска. Другой целью стало устранение от власти людей, сопротивлявшихся его политическому курсу, прежде всего гордых и самовластных представителей богатейших и знатнейших княжеских родов. А «устранение» могло означать и лишение жизни... Царь стремился получить легко управляемую армию, с командным составом, куда входили бы лишь преданные ему люди. Не принадлежавший к высшему эшелону служилой аристократии Хворостинин попал в число опричных воевод и получил шанс на быстрое возвышение. Следовательно, царь доверял ему и считал способным военачальником.

Действительно, в середине 60х гг. карьера князя пошла в гору. Ему доверяли высокие должности. Первое опричное воеводское назначение он получил как раз осенью 1565 г., в корпусе, отправленном из Москвы под Болхов, против крымцев. Весь этот корпус состоял из одних опричных от-

рядов. По данным историка В.В. Каргалова, за храбрость в боях с крымцами у Болхова Дмитрий Иванович награжден был золотой монетой⁴. Разрядные документы говорят об ином: золотые монеты были отправлены из Москвы в награду воеводам из земщины, получал ли их кто-либо из опричных военачальников, неизвестно. Впоследствии Дмитрий Иванович командовал полками в разных опричных походах (в частности, возглавил сторожевой полк в походах под Калугу 1567 и 1569 гг.). Наконец, ему доверили командовать небольшой ратью, отправленной зимой 1567—1568 гг. под Великие Луки «по вестям» о подходе неприятельских отрядов.⁵

С 1569 г. он упоминается в документах как окольничий — второй по значению «думный» чин после боярского. Это — свидетельство признания его заслуг.

Весной 1570 г. Хворостинин то ли возглавлял гарнизон в Зарайске, где был мощный каменный кремль (стены сохранились до наших дней), то ли был вторым воеводой сторожевого отряда опричников. Этот отряд был выдвинут после того, как командование русской армии получило известие о набеге крымского хана Девлет-Гирея. Документы не дают возможности четко сказать, какой именно пост занимал тогда Дмитрий Иванович. Во всяком случае, воеводство в сильной Зарайской крепости считалось бы намного более почетным,

⁴ Каргалов В.В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. С. 311.

⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 242

нежели в захолустанном Шацке.

Именно там, под Зарайском, князь Хворостинин с помощником Федором Львовым 21 мая 1570 г. вышел против войска крымцев и разгромил неприятеля наголову⁶. Полководец обеспечил себе преимущество, напав неожиданно, среди ночи. Его отрядом были взяты пленники. Вражеское войско угоняло в рабство множество русских людей, и их удалось отбить. Это была первая самостоятельная победа Хворостинина. И единственный крупный боевой успех, добытый опричным корпусом без поддержки земских ратей.

Хворостинин показал, таким образом, что он, как тактик, тяготеет к атакующему стилю, характерному для «железных волков» Ивана Великого.

Через несколько месяцев Дмитрию Ивановичу доверяют опричный отряд, выставленный «по вестям» «на Рязани».

В 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей с большой ордой прорвался через заслоны на южной границе, дошел до Москвы, ограбил пригороды и поджег сам город. В колоссальном пожаре исчезла почти вся столица государства. Неудачные действия полков на степном рубеже обернулись настоящей военной катастрофой. Это неудивительно. В годы опричнины казнили множество опытных военачальников, разделение российских вооруженных сил на опричное войско и земское усложняло координацию общих действий. Кроме того, силы державы истощила тяжелая Ливонская война...

⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 256.

Не умея взять город, Девлет-Гирей велел запалить его. Он намеревался разграбить все, что не смогут защитить русские воеводы, занятые тушением пожара. Татары подожгли сначала царскую летнюю резиденцию в Коломенском, а на следующий день – московские посады. Пожар обернулся огненной бурей, настоящим бедствием. Результат превзошел все ожидания хана. Огонь стремительно и неотвратно убивал город. Земские ратники и незначительный опричный отряд оставались в Москве. Не покидая позиций, они перемогались с крымцами посреди пылающих улиц. Тогда погиб боярин Михаил Иванович Вороной-Волынский и раненый князь Бельский, а также множество наших воинов. Девлет-Гирей так и не смог занять город. Ужаснувшись зрелищем разбушевавшейся стихии, понеся значительные потери, татары отошли прочь, прихватив с собой трофеи и полон. К тому времени в русской столице армии уже не было – лишь несколько сотен чудом уцелевших дворян...

У нас нет надежных данных ни о населении Москвы в XVI столетии, ни о потерях, нанесенных русской столице в несчастный год Девлет-Гиреева нашествия. Но записки иностранцев, побывавших в Москве тогда или несколькими годами позднее, дают общее представление о масштабах катастрофы.

Вот письмо неизвестного англичанина, ставшего свидетелем событий 1571 г.: «12 мая в день Вознесения крымский хан пришел к городу Москве с более чем 120 тысячами кон-

ных и вооруженных людей⁷. Так как царские воеводы и воины были в других городах как охрана, а москвичи не приготовлены, то названные татары зажгли город, пригороды и оба замка. Все деревянные строения, какие там находились, были обращены в пепел, и я убежден, что Содом и Гоморра не были истреблены в столь короткое время... Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, без ветра, но когда начался пожар, то поднялась буря с таким шумом, как будто обрушилось небо, и с такими страшными последствиями, что люди гибли в домах и на улицах... На расстоянии 20 миль в окружности погибло множество народа, бежавшего в город и замки, и пригороды, где все дома и улицы были так полны народа, что некуда было притесниться; и все они погибли от огня, за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами, и немногих других, которые искали спасение через стены, к реке, где некоторые из них потонули, а другие были спасены... Большое число (людей) сгорело в погребах и церквях. Среди них, между прочим, 30 человек в погребах Английской компании, из них трое служителей сэра Томаса Бентама; умерли также Томас Филд, Джон Уересли, ремесленники Томас Чефи, Томас Карвер, аптекарь и некоторые другие... Это великое и ужасное и внезапное разрушение, постигшее москвитян, сопровождалось сильной невиданной бурей, а под конец погода снова прояснилась и стала тихой, так что люди могли ходить и видеть великое множество тру-

⁷ По общему мнению специалистов, эта цифра завышена.

пов людей и лошадей, не говоря уже о тех, которые обращены были в пепел. Молю Бога не видеть впредь подобно-го зрелища. В ночь после того, как собака-татарин учинил это злодейство, он бежал со всею ратью к реке Оке... Число погибших при разорении Москвы показывают такое громадное, что я не решаюсь передать его. Скажу только, что из окрестностей Москвы на 60 миль и более и восьми человекам не удалось спастись в городе... В два месяца едва ли будет возможно очистить от человеческих и лошадиных трупов город, в котором остались теперь одни стены, да там и сям каменные дома, словно головки водосточной трубы...»

Вот известие из Польши (лето 1571 г.): «...прибыл татарский посол с сообщением о поражении, нанесенном Московиту, чтобы получить дань, и говорил следующее: что они разорили, сожгли и разграбили (территорию) около 60 лиг в длину и 45 в ширину во владениях Московита; что мертвыми пало, может быть, около 60 тысяч (людей) того и другого пола; затем взято около 60 тысяч лучших пленных; что они (татары) дошли до Москвы, сожгли весь город и замок, куда собралось много народу и, должно быть, задохнулись в дыму; что около 120 штук пушек утонули в реке Москве, не могли их увезти; что Московит удалился в Александрову слободу, отстоящую на 18 миль, и остался там у своей казны в весьма безопасном месте, так как там находится большое озеро, окружающее его...»

Для Дмитрия Ивановича прорыв Девлет-Гирея означал и

великое горе, и серьезную остановку в карьерном росте.

В огромной армии, выставленной для обороны от Девлет-Гирея весной 1571 г., князь Хворостинин числился третьим воеводой передового полка. Отряд из трехсот бойцов с немцем-опричником Генрихом Штаденем во главе входил в состав этого полка. Штаден, не получив соответствующего приказа, ринулся на татарскую орду, переправившуюся через Оку, и в скоротечном бою положил все три сотни. Хворостинин считал необходимым отступить и сберечь людей от боя, в котором они были обречены на поражение, но сделать уже ничего не мог.

Большая часть опричного корпуса бежала, даже не вступив в сражение с татарами, за Москву, а оттуда к Ростову. В сражении за столицу участвовал лишь несчастный передовой полк, где и служил Хворостинин. Воеводе повезло уцелеть.

Но царь считал главными виновниками московского разгрома именно опричных воевод передового и сторожевого полков, обвиняя их в том, что они не сумели наладить сторожевую и разведывательную службу. Отчасти это было правдой: во главе передового полка стоял крещеный кабардинский царевич М.Т.Черкасский, поставленный на эту должность в большей степени по знатности рода и родству с самим царем, чем по способностям и боевым заслугам... Его и подвергли казни вместе со вторым воеводой – князем В.И. Темкиным-Ростовским, а также вторым воеводой стороже-

вого полка боярином В.П. Яковлевым. Иван IV не усмотрел в действиях Дмитрия Ивановича столь серьезной вины, чтобы и его отправить на тот свет вместе с этими военачальниками. Но совершенно невиновным также не считал. Поэтому в следующем большом походе, зимой 1571—1572 гг., его поставили на должность с заметным понижением – всего лишь третьим воеводой сторожевого полка.

Таким образом, большой карьеры в опричнине князь Хворостинин не сделал. Да, он получил думный чин окольничего. Но его воеводские назначения показывают одно: царь постоянно использует его как искусного и надежного военачальника на ответственных участках, но возвышать в армейской иерархии не спешит. Распространенное мнение о взлете семейства Хворостининых в годы опричнины верно лишь отчасти.

Битва у Молодей⁸

Положение страны было отчаянным. Повторение похода крымцев грозило России гибелью и распадом.

В 1572 г. Девлет-Гирей, собрав, по подсчетам разных историков, от 40 000 до 100 000 воинов вышел к русским границам с твердым намерением довершить начатое в прошлом году дело до конца. А в распоряжении Ивана IV оставалось не столь уж много сил.

Русское военное командование объединило земскую и опричную рати. «Большим» (т. е. главным) государевым воеводой назначили князя Михаила Воротынского. В передовом полку вторым воеводой шел князь Дмитрий Хворостинин. На него пришлась главная тяжесть битвы, состоявшейся у деревни Молоди. Тогда и пришел звездный час воеводы Хворостинина. Именно он становится главным помощником Воротынского, а не первый воевода передового полка, князь Андрей Петрович Хованский. Именно Дмитрию Ивановичу дают наиболее ответственные поручения, надеясь на его опыт и искусство. Именно его имя ставят русские летописи рядом с именем Воротынского, повествуя о великой победе, хотя в объединенной опрично-земской армии числилось несколько воевод более высокого ранга.

⁸ Более подробно о битве у Молодей рассказывается в очерке о кн. М.И. Воротынском.

Русская армия уступала противнику по численности в несколько раз и насчитывала немногим более 20 000 человек. Когда татары переходили через Оку недалеко от Серпухова, Хворостинин не имел достаточно сил, чтобы сорвать переправу. Из передового полка, объединявшего около 4,5 тысячи дворян, казаков, иностранных наемников и стрельцов, ему подчинялось всего лишь 950 бойцов⁹. Он отступил, однако затем передовой полк с Хованским и Хворостининым во главе нагнал стремительно идущего к Москве неприятеля и нанес ряд чувствительных ударов по обозу и арьергардным отрядам Девлет-Гирея.¹⁰

30 июля 1572 г. в полусотне верст от Москвы произошло решающее столкновение.

Роль центра русской позиции сыграл «гуляй-город», развернутый на холме у речки Рожай. Подобную тактику старомосковские воеводы в те времена часто применяли против татар, превосходивших их по численности. «Гуляй-город» представлял собой крепость из толстых деревянных щитов, перевозившихся на телегах. В случае опасности ее собирали воедино с необыкновенной быстротой. У Молодей в «гуляй-город» засел целый полк, самый сильный во всей русской армии. Другие полки прикрывали его с флангов и ты-

⁹ Документы о сражении при Молодях / Подготовил В.И. Буганов // Исторический архив. М., 1959. Вып. 4. С. 176.

¹⁰ В дальнейшем участие кн. А.П. Хованского в боевых действиях не упоминается. То ли Воротынский не видел в нем надежного военачальника, то ли он был ранен в одной из первых стычек.

ла, а заслон из стрельцов выдвинут был вперед. Обороной деревянной крепости руководил Хворостинин. В войске было полным-полно воевод выше его рангом, но на самое ответственное и самое опасное место Воротынский поставил именно его. О чем это говорит? Выдающиеся способности Дмитрия Ивановича к тому времени стали очевидны для военной элиты России. А когда надо было победить или погибнуть, смотрели не на знатность, а на воинский талант. На Молодях как раз наступил такой «момент истины» – как для всей военной системы московского государства, так и лично для князя Хворостинина.

При первом штурме русской позиции татарская конница разметала стрельцов, но у «гуляй-города» встретила плотный ружейно-пушечный огонь и понесла страшные потери. Русская дворянская кавалерия удачно контратаковала по флангам. Повторные атаки также не принесли успеха Девлет-Гирею. Мало того, попал в плен крупный татарский военачальник Дивей-мурза, погибло несколько знатных командиров... Вечером 30 июля попытки штурмовать «гуляй-город» прекратились. Однако, по словам немца-опричника Генриха Штадена, современника и, по всей видимости, участника молодинской битвы, положение русских полков также было тяжелым. Над осажденными в «гуляй-городе» нависла угроза голода.

До 2 августа крымцы приводили в порядок растрепанное войско, подсчитывали потери, сосредотачивались для

нового удара. Затем началось очередное наступление на «гуляй-город». Татары шли вперед с отчаянной храбростью, не боясь потерь и упорно преодолевая огневой шквал со стороны русских полков. Смельчаки прыгали на деревянные щиты, пытаясь повалить их, забраться внутрь, открыть дорогу для стремительной конной атаки. Бойцы Хворостинина во множестве отсекали им руки саблями и топорами. Бой шел с невиданным ожесточением. Упорная оборона «гуляй-города» раз за разом приносила русским успех...

Пользуясь удачным моментом, Воротынский зашел Девлет-Гирею в тыл с основными силами. Пока совершался этот маневр, сравнительно небольшой отряд под командой князя Хворостинина продолжал сдерживать натиск атакующих в «гуляй-городе». Вечером, когда напор крымцев ослаб, Хворостинин открыл огонь из всех орудий и пошел на вылазку с отрядом немецких наемников ротмистра Юрия Францбека. Он многим рисковал: если бы Воротынский не успел вовремя обрушиться на татар с тыла, вылазка могла стоить Дмитрию Ивановичу жизни, а всей русской армии – проигранной битвы. Но Воротынский в нужное время поддержал контратаку Хворостинина. Зажатые с двух сторон, татары потерпели сокрушительное поражение и обратились в бегство.

В страшной сече погибла родня Девлет-Гирея, нашли свою смерть многие мурзы и прочая татарская знать. К тому же хан получил известия о подходе главных сил русских.

Орда отступила. Русские воеводы организовали преследование и разгром отдельных отрядов.

В исторической литературе не раз высказывалось мнение, согласно которому победа в молодинской битве была достигнута в основном усилиями Хворостинина. Известный советский историк Руслан Скрынников выразил это мнение в наиболее четкой форме: «Согласно укоренившейся традиции славу победы над татарами приписывают обычно главному воеводе князю М.И. Воротынскому. Подобное мнение кажется неверным. Назначение Воротынского главнокомандующим объясняется отнюдь не особыми военными дарованиями или заслугами удельного князя, а в первую очередь его знатностью. Подлинным героем сражения при деревне Молоди был не он, а молодой опричный воевода князь Д.И. Хворостинин...»¹¹ Другой специалист по военной истории, Вадим Каргалов, осторожно поддержал эту точку зрения: «...Даже если это преувеличение, важная роль опричного воеводы Хворостинина... несомненна. Военный авторитет его необычайно высок. Он выдвигается в первый ряд русских полководцев...»¹². Трудно определить, насколько верно подобное мнение. С одной стороны, Михаил Воротынский – опытный военачальник. Помимо молодинской битвы на его счету несколько других значительных заслуг. Он удачно действовал во время осады и штурма Казани в 1552 г.;

¹¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 450.

¹² Каргалов В.В. Полководцы... С. 314.

на протяжении нескольких лет возглавлял всю оборону юга России; в 1571 г. разработал «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», который считается первым воинским уставом в нашей стране. По свидетельству современника, князь Воротынский был «муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный». Он намного превосходил Хворостинина знатностью рода и богатством. От этого, собственно, и пострадал: через год после победы, одержанной совместно с Хворостининым, он попал в опалу, был обвинен в колдовстве. Воротынский гордо отрицал свою вину и умер от пыток. По предположениям некоторым историков, царя Ивана IV беспокоило растущее влияние и авторитет Воротынского, иные считают, что князь допустил какое-то служебное нарушение¹³. ... С другой стороны, в ходе битвы у Молодей на Дмитрия Хворостинина действительно возложены были самые сложные задачи; их отличное исполнение в конечном счете и привело к разгрому Девлет-Гирея. Видимо, правильным было бы считать обоих военачальников в равной степени творцами победы.

¹³ Подробнее см. в главе о кн. Воротынском.

Ливонский фронт

Опричная военная машина утратила доверие царя после сожжения Москвы крымцами. Она быстрыми темпами расформировывалась. Со второй половины 1571 г. опричные воеводы отправляются в походы в одних полках с земскими и даже у них под командой. А значит, Дмитрию Ивановичу предстояло вновь столкнуться с конкуренцией со стороны более знатных аристократов.

В опричнине он лишь раз оказался в состоянии местнического спора, да и то с самым главнокомандующим опричным корпусом – Иваном Дмитриевичем Колодкой Плещеевым, принадлежавшим всесильному клану Плещеевых. Теперь ему предстояло сталкиваться в больших местнических разбирательствах со многими великими родами титулованной знати. В 1572 г., пока Хворостинин по изложенным выше причинам ходил в низких воеводских чинах, ему это не грозило. Но как только он начнет получать самые скромные повышения по службе, эта угроза немедленно реализуется. Дмитрий Иванович – один из «рекордсменов» по части местнических дел. За период между 1573-м и началом 1590х гг. его имя связано с 22 местническими тяжбами! В среднем выходит примерно по одно разбирательству каждые 8 месяцев...

Ученым не известна точная дата отмены опричнины. Воз-

можно, это был процесс, разделенный на несколько стадий. Опричное войско, как уже говорилось, перестало выполнять самостоятельные задачи уже в 1571 г. Тогда же правительство принялось возвращать владельцами поместья и вотчины, переведенные несколькими годами ранее в опричнину. Во второй половине 1572 г. вышел указ, запрещающий поминать опричные порядки. Таким образом, теперь к опричным временам стали относиться крайне отрицательно...

В результате на протяжении нескольких лет Хворостинину давали относительно невысокие должности. В 1573—1574 гг. на него была наложена опала. Хворостинин не смог дойти до отрядов восставшей на казанских землях «луговой черемисы» из-за «снегов великих», то ли просто опоздал к месту сбора войск. Иван IV снял его с командования, обрядил его в женское платье и заставил молоть муку, — дескать, не полководец этот Хворостинин, а сущая баба! Не вспомнил государь, как «баба» защищала Москву у Молодей с последней горстью боеспособных войск¹⁴... Тогда же Дмитрий Иванович проиграл местническое дело с князем Ф.М.Троекуровым, в 1577—1579 гг. Хворостинины понесли жесточайшее поражение в местническом деле с Бутурлиными. Самого князя Дмитрия за упорство в отстаивании интересов рода на неделю отправили в тюрьму и взыскали с

¹⁴ По другой версии, эпизод с восставшей «черемисой» и переодеванием относится к 1582 или 1583 г. Весной 1584 г. Хворостинин был на краткий срок резко понижен в чине.

него в пользу Ф.А. Бутурлина огромный по тем временам штраф – 150 рублей.

Стефан Баторий. Портрет работы Яна Матейко .

Между 1573 и 1578 гг. карьера князя «замерзает». Дмитрий Иванович участвовал в дюжине походов. Его отправляли то на юг, против крымцев, то на ливонский фронт. Он видел победы русской армии – взятие Пайды и Кеси (Вендена), видел и поражение под Колыванью, потерю той же Кеси, неудачную попытку вернуть эту крепость... Сам удачно действовал против татар под Воскресенском. Но на протяжении всего этого периода ему ни разу не дали командовать не то что отдельной ратью, а хотя бы полком. Хворостинина все время расписывали вторым воеводой. В худшем случае – вторым в сторожевом полку, который был «честью ниже» прочих, в лучшем случае – в полку правой руки.

Летом 1578 г. дело дошло до обидной несправедливости. Хворостинина первый раз за много лет назначили командовать сторожевым полком. Не столь уж великое назначение! Он участвовал в счастливом взятии ливонской крепости Полчев. Но из-за нового местнического спора – с князем М.В. Тюфякиным, который не пожелал быть под Хворостининым вторым воеводой, Дмитрий Иванович был отправлен из победоносной армии в Москву... Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло. Вскоре половина воевод этой рати переместничается, и армия потерпит страшное поражение под Кесью, при очередной попытке возвратить го-

род. Четверо наших воевод погибли, еще четверо оказались в плену, другие с позором бежали. А русские артиллеристы в отчаянии, не желая сдаваться, повесились на пушках, которые некому стало защищать от неприятеля.

Бог уберег Дмитрия Ивановича от этой беды.

Лишь в самом конце 70х – начале 80х он сделал скромный шагок наверх. Отчасти это связано с напряженной военной деятельностью, которую Хворостинин вел в тот период. Это был крайне несчастливый для русского оружия период. Русские армии понесли ряд поражений от шведских и польских войск, пали наши крепости Полоцк, Сокол, Великие Луки, Заволочье, Холм, Старая Русса, Нарва, Ивангород, Ям, Копорье. Страна истощила людские и материальные ресурсы в бесконечной Ливонской войне. Отчасти же царь вынужден был понемногу продвигать нелюбимого военачальника: командный состав русской армии понес в эти годы чудовищные потери, выбыли из строя десятки полководцев. Кем-то надо было затыкать дыры, постоянно возникавшие в русской обороне, и тут Дмитрий Иванович пришелся как никогда кстати. Как при Молодях. Когда надо было защищать гуляй-город от таранных ударов татарской конницы.

Хворостинин поднимается до положения второго воеводы в большом полку, т. е. основного помощника при главнокомандующем. В этой должности он был записан в разряде летом 1580 г., когда русская армия стояла у Ржевы Владимировой, защищая западные земли России от войск Стефа-

на Батория, только что взявшего крепость Заволочье. Дмитрий Иванович был повышен до первого воеводы передового полка. Затем, в январе 1581 г., его переводят первым воеводой в Новгород Великий, а это уже на порядок более высокий пост.¹⁵

В том же 1580 г. князя поставили воеводой в Тарусу.

Весной 1581 г. большая русская армия выступила из Можайска на литовские земли. Она осуществила глубокий рейд и потрепала польско-литовские отряды. Разрядная запись рассказывает об этом походе следующее: «Воеводы ходили... под Дубровну, да к Орши, и у Орши посады пожгли, и под Копысью и под Шкловым. Из Шклова вылазили литовские люди. И на том деле убили воеводу Романа Дмитриевича Бутурлина... И у Могилева посады пожгли и много товаров поимали и людей побили и много полону поимали и сами вышли со всеми людьми на Смоленск, дал Бог, здорова»¹⁶. На фоне общего трагического положения на Ливонском фронте эта операция выглядит большим успехом.

Наградой для командного состава стали золотые монеты от государя.

В начале 80х Дмитрия Ивановича несколько раз отправляли на юг, для обороны русских городов от крымцев. Но

¹⁵ Согласно одному разряду, Хворостинин был первым воеводой в Новгороде, а в соответствии с другим – первым лицом в отряде, отправленном на поддержку новгородского гарнизона.

¹⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 186.

его основная «боевая работа» совершалась все-таки на Ливонском театре военных действий. Московское государство почти утратило способность давать отпор. Шведы развивают успешное наступление, постепенно захватывая старинные новгородские земли.

В 1582 г. полки Ивана Грозного отправляются против осмелевших шведов на север, за Неву. Передовой полк, где старшим воеводой был Хворостинин, столкнулся с противником под селом Лялицами и опрокинул его. Еще раз можно убедиться в том, что Дмитрий Иванович любил атакующую тактику и высокую активность – прочие воеводы за ним не успевали. Так, сражение у Лялиц происходило в основном за счет его полка, вырвавшегося вперед: «Божиею милостию и Пречистые Богородицы молением немецких людей побили и языки многие поймали. И было дело: наперед передовому полку – князю Дмитрию Ивановичу Хворостинину да думному дворянину Михаилу Ондреевичу Безнину, – и пособил им большой полк, а иные воеводы к бою не успели... И государь послал к воеводам с золотыми»¹⁷. Эта оплеуха показала: Россия еще способна сопротивляться!

Ливонская война постепенно отгорала. Начались переговоры с польским и шведским королями, и для русских воевод настала пора переходить с одного театра военных действий на другой. Лучшие военачальники отправляются на «замирение черемисы», поднявшей восстание на казанских

¹⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 210.

землях, да на южную «береговую службу».

Осенью 1582 г. Хворостинин идет вторым воеводой большого полка «на Казань... горной черемисы воевать, что черемиса заворовалась». На следующий год он получает назначение к южным рубежам. В январе 1584 г. Дмитрию Ивановичу дали под команду полк правой руки в армии, отправленной против бунтовавшей «луговой черемисы» в казанской земле.

Двенадцать лет, прожитые им после Молодей, до отказа наполнены были сражениями и походами. Один только список боевых действий, в которых участвовал тогда Хворостинин, вызывает мысль, что он работал на износ, как безотказная военная машина. Хворостинин воюет из год в год, причем на самых ответственных и опасных участках. Даже для тех служилых аристократов, которые прочно вошли в военную элиту России и связали свою жизнь не с Боярской думой и не с управлением приказными делами, а именно с военной службой, «график назначений» Дмитрия Ивановича выглядит необыкновенно жестким.

Как видно, князь относился к той драгоценной породе русских людей, которая способна была, взвалив большое дело себе на хребтину, волоочь его до полного исполнения, не щадя сил и не прося поблажек. Эти-то и поднимали великие царства. Отвагою своей, выносливостью, превосходящей всякое вероятие, и чудовищной энергией в деле.

Иван Грозный, как уже говорилось, относился к служ-

бе бессменного «командарма» без особой благодарности. В марте 1584 г. государь Иван Васильевич скончался. На закате жизни он сдал полякам и шведам русские завоевания в Ливонии и даже отрезал в их пользу большой кусок русской территории с городами и крепостями.

При новом государе

При его преемнике военную деятельность князя Хворостинина оценили по достоинству. Царь Фёдор Иванович пожаловал князю высший «дворовый» (т. е. придворный) чин боярина, дававший право участвовать вместе со всей Боярской думой в обсуждении важнейших государственных дел. Да и в воеводских чинах Дмитрий Иванович при новом царе продвинулся весьма высоко.

САТОВЕРНИИ КНЯЗЬ ОБОДОРЪ ИВАНОВИЧЪ

Фёдор I Иоаннович. Парсуна.

Правда, действительные и ясные заслуги перед Россией, показанные на поле боя, сыграли тут не первую роль. Признание и возвышение Хворостинина при Фёдоре Ивановиче связано с тонким обстоятельством семейных связей. Вся русская служилая аристократия пронизана была нитями родства, игравшими роль самых прочных скреп. Родство делало человеку карьеру, оно же могло и погубить его, когда высокопоставленная родня попадала в опалу, а то и на плаху.

Так вот, князь Дмитрий Иванович Хворостинин приходился родней Годуновым: его дочь вышла замуж за Степана Степановича Годунова. А Борис Фёдорович Годунов – шурином самому царю. Именно он стоял за спиной Фёдора Ивановича, в течение полутора десятилетий удерживая под своим контролем кормило высшей власти в Московском государстве. Царствовал сын Ивана Грозного, но правил Борис Годунов.

Хворостинины стали верными сторонниками придворной «партии» Годуновых, им поручались ответственные дела, они участвовали в борьбе с главными врагами Годуновых – Шуйскими. И невенчаный монарх Борис Фёдорович отвечал Хворостининым милостями и «жалованием». Как пишет историк А.П. Павлов, «...Хворостинины постоянно служат при дворе, упоминаются на званных царских обедах, участву-

ют во многих крупных походах».¹⁸

Для начала Дмитрию Ивановичу был дарован высший думный чин боярина, давно «оплаченный» бесконечными службами. Воевода постепенно оказывается крупным землевладельцем. За ним и его сыновьями по документам конца XVI – начала XVII столетия числятся многие тысячи четвертей земли.

И, конечно, Дмитрий Иванович резко идет вверх в армейской иерархии. Он становится крупнейшей фигурой в организации обороны степных окраин Московского государства от бандитских нападений татар.

В конце 1584 г. его назначили первым воеводой большого полка в трехполковой рати, отправленной к Рязани. Однако в командование он вступил не сразу – первое время его замещал другой военачальник, князь Василий Фёдорович Жировой-Засекин. Документы того времени глухо сообщают: Хворостинин «прислал к государю... бить челом, сказался болен». Это случай для русской армейской жизни крайне редкий, а для безотказного Дмитрия Ивановича и вовсе странный. Ведь он должен был радоваться подобному повышению по службе... Одно из двух: либо он и впрямь слег – ведь самый крепкий человек с трудом выдержит тот бешеный «режим эксплуатации», в котором жил воевода; либо мутная политическая обстановка в Москве требовала

¹⁸ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 42.

постоянного присутствия Дмитрия Ивановича, и он решил пожертвовать столь высокой честью ради более важных вещей.

Видимо, всему виной была именно хворь: через полгода, в июле 1585го, Хворостинин оказывается все-таки во главе этой рати и совершает бросок под Шацк «по ногайским вестям». Тогда он фактически оказался командующим оборонительными силами юга России.

Играть эту высокую роль ему придется и позднее.

Так, весной 1587 г. в Москве становится известно, что орда крымского хана двинулась для вторжения в порубежные земли Московского государства. Навстречу ей двинули значительные силы, разошедшиеся по городам и крепостям. А затем, в конце мая, три полка ударных сил отправились под командой князя Д.И. Хворостинина в район Тулы. Через месяц крымцы общей численностью в 40 000 рискнули прорываться в районе Кропивны, взяли острог, однако до большого вторжения дело не дошло. Объединенные силы русской армии сконцентрировались у Тулы, угрожая неприятелю. Был там и Дмитрий Иванович – как первый воевода передового полка при главнокомандующем Иване Васильевиче Годунове, родственнике некоронованного правителя страны. Татары побоялись тогда прямого столкновения и отошли.

Осенью 1587 г. и весной 1588го Дмитрий Иванович выходит с войсками для обороны южнорусских земель в высоких воеводских чинах. На него то и дело «быют челом» иные слу-

жилые аристократы, добиваясь местнического суда. Наконец в марте 1588 г. он сам в ярости обвиняет князя Кашина в «бесчестии». Тот сидел воеводой в Новосильской крепости и жаловался, что-де родовая честь ему не велит подчиняться Хворостинину – одному из двух главных воевод в оборонительном корпусе на юге России...¹⁹ Несмотря на челобитья недоброжелателей, положение Хворостинина при дворе остается прочным. В октябре и ноябре того же года царь Фёдор Иванович приглашает его к себе на почетный пир, и это знак большого благоволения государя к полководцу.

¹⁹ Тогда этот корпус возглавляли князя Тимофей Романович Трубецкой и Дмитрий Иванович Хворостинин. Трубецкой был знатнее, Хворостинин опытнее, но именно против Хворостинина возвышали голос воеводы южных крепостей – Кашин в Новосиле, Хилков в Орле и Салтыков в Белёве.

Юхан III, король Швеции.

А весной 1589 г. воеводу опять отправляют на юг.

Таким образом, с 1585 по 1589 г. Дмитрий Иванович постоянно занимается одним делом: налаживанием надежной охраны городов, поставленных в лесостепной полосе России, на беспокойных южных рубежах. За это время ни крымцы, ни ногайцы ни разу не смогли прорваться к центральным областям иди даже создать серьезную угрозу прорыва.

Россия жила в те годы предчувствием новых больших войн с западными соседями. Большого столкновения с Речью Посполитой – Польско-Литовским государством – в Москве не хотели. Конфликт с нею вновь привел бы к затяжной тяжелой борьбе: пересечение самых прямых интересов двух великих держав Восточной Европы на границе между русским Смоленском и литовским Полоцком неизменно наполняло войны между ними невиданным ожесточением и упорством. В Шведском королевстве видели менее серьезно-го противника. Да и не была конфигурация восточных рубежей жизненно важной проблемой для Стокгольма. Проблема состояла в том, что шведской короной владел Юхан III, а польской... его сын Сигизмунд. И отец ждал от своего отпрыска широкой военной поддержки. А сын мог запросить таковую у отца – в случае серьезных осложнений с Московским государством.

Спасение русской дипломатии состояло лишь в одном: давным-давно польские монархи утратили значение истинных правителей страны. Важнейшие дела решала магнатория, опиравшаяся на многочисленную и своевольную шлях-

ту. А они не желали нового столкновения с Россией. Поэтому, когда срок русско-шведского перемирия истек, два давних недруга нашей страны не сумели объединиться.

Разразилась война за русские города и земли, потерянные Московским государством еще при Иване Грозном. Наша армия действовала в целом удачно и смогла вернуть многое из утраченного. Именно тогда Хворостинин выиграл последнее свое большое сражение.

Сигизмунд I, король Польский и великий князь Ли-

В августе 1589 г. он идет вторым воеводой большого полка в Новгород Великий, где армия сосредотачивается для большого наступления. Через несколько месяцев в штаб прибывают царь Фёдор Иванович и Борис Годунов. Крупная операция готовится долго и тщательно, силы стягиваются со всей России. Хворостинина, зная его наступательный стиль, расписывают в передовой полк. Лишь в январе войска выступают из Новгорода и пересекают русско-шведскую границу. За краткое время они берут Ям и оказываются под Нарвой. Хворостинин обнаруживает в районе Ивангорода четырехтысячный шведский корпус и нападает на него. Полку Дмитрия Ивановича пришлось преодолеть упорное сопротивление шведов. Рубка шла полдня. В конце концов противник отступил. Это была вершина военных успехов князя Хворостинина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.